

Вэйцы

Ливень только-только утих. На склонах таял снег, стекая в прозрачные лужицы.

Юноша в белоснежных одеждах сидел на огромном валуне причудливой формы, лениво грыз недозрелый дикий плод и скучаяще смотрел в небо.

Каменный гигант вздымался ввысь добрых тридцать чжанов. Без должного уровня самосовершенствования сюда и не забраться — сорвёшься, костей не соберёшь. Но ему было всё равно. Он устроился на самом краю, свесив ноги в пустоту, и чувствовал себя совершенно безмятежно.

Лян Сюань давно не видел солнца, отчего его лицо казалось бледным. На этой белизне густые ресницы, тёмные, словно вороново крыло, подрагивали, придавая ему неуловимо хрупкий вид.

Золотистые лучи окутывали его мягкой дымкой. Парень долго созерцал небесную синеву, пока в голове крутилась одна-единственная навязчивая мысль:

«Сейчас протяну ноги. С голодухи»

Кушать хотелось невыносимо.

От кислых ягод аппетит только разыгрывался, внутри всё сводило. Кое-как выбрался в мир, чтобы посмотреть, что вокруг творится, и вот — помирай теперь с голоду. Знал бы — ни за что не вышел. И зачем только высывался?

Пока он безмолвно злился на судьбу, его внимание привлекла вереница людей, тянувшаяся в нескольких ли отсюда.

Органы чувств у заклинателей развиты куда лучше, чем у обычных смертных. С его уровнем сил Лян Сюань мог уловить малейший шорох, если только тот происходил не на другом конце света.

Здесьние места славились своей первозданной красотой и благотворной энергетикой, однако горные тропы были крутыми, а выпирающие повсюду скалы делали дорогу едва проходимой.

Путники явно держали путь к Цинсяо-цзун. Даже дураку понятно: идут на отбор новых учеников, который начнётся через два дня.

Лян Сюань рассудил, что помирать с голоду прямо у порога собственного дома — позор несусветный. Разбой и грабёж... нет, то есть честный самоотверженный труд — вот единственный выход.

Опершись о камень, он поднялся, потянулся и легко спрыгнул вниз. Ноги коснулись острых выступов скалы совершенно бесшумно.

Хм, чего-то не хватает...

Тут его осенило. Лян Сюань достал из широкого рукава вэймяо — шляпу с вуалью.

Её белая ткань легла на плечи, словно туман, укрывший полную луну.

Белый силуэт скользнул в чащу и мгновенно растворился среди густых сплетений ветвей.

В трёх ли от утёса по каменистой дороге катила роскошная карета.

Кони знатные — чистокровные «Нефритовые львы, освещающие ночь». Экипаж под стать — украшен резьбой и дорогим нефритом.

Следом верхом ехали человек пять-шесть. Один наряднее другого, парча так и лоснилась на солнце.

Типичные нувориши.

На их фоне Лян Сюань в своём простом белом халате с широким поясом выглядел скромно. Хоть от него и веяло благородством истинного бессмертного, перед этим кричащим богатством он казался бедняком.

Он небрежно отвёл свисавшую ивовую ветвь. Высокий, длинноногий, он замер у обочины — в его позе сквозила смесь ленивой грации и скрытой силы. Взгляд так и цеплялся за этот силуэт.

Всадники, проезжая мимо, лишь мельком глянули на него, решив, что это очередной кандидат, спешащий на отбор в секту, и продолжили свой ленивый разговор.

— Цинсяо-цзун принимает учеников раз в десять лет. Нашему Маленькому бессмертному господину как раз исполнилось шестнадцать. Какая удача!

— Говорят, правила там суровые, а тренировки изнурительные. Хорошо, что старший молодой господин поступил туда ещё десять лет назад, теперь сможет присмотреть за младшим братом.

— Места тут, конечно, красивые, горы да реки, но дороги — сущий кошмар. Дальше карета вряд ли проедет. Придётся Маленькому бессмертному господину пересесть в седло или идти пешком, уж не обессудьте.

В ответ на все эти излияния из глубины экипажа донеслось лишь ленивое, короткое:

— М-гм.

Слово — серебро, молчание — золото. Разговор затих.

Тот, кого они величали Маленьким бессмертным господином, явно не отличался словоохотливостью. Слуги привыкли к его нраву, но сами молчать долго не могли. Стоило тишине затянуться, как они снова зашептались между собой.

— Интересно, к кому в ученики захочет пойти Маленький бессмертный господин?

— Я бы советовал почтенного Сиу-цзюня, Цюй Цинъюэ. Вы ведь с малых лет учились владеть мечом, а он как-никак занимает пятое место в Списке десяти святых...

— Я не пойду к нему, — внезапно раздался голос из кареты.

Произнесено это было негромко, но Лян Сюань отчётливо всё расслышал. Голос звучал немного по-детски, но чисто и звонко, приятно для слуха.

Благодаря услышанному Лян Сюань быстро сообразил, кто перед ним.

Если в двух словах: главный герой и его свита.

Ну и чертовщина. Надо же было так столкнуться.

Юноша в карете — не кто иной, как Шэнь Гумин, главный герой романа «Путь бессмертия». Сын легендарного Юйянь-цзюня, великого мастера, который вознёсся на небеса и за всю книгу так ни разу лично и не появился. Шэнь Гумину за его происхождение дали прозвище Маленький бессмертный господин.

При одном упоминании этого чтива Лян Сюань мысленно выебал автора этой писанины во все щели десять тысяч раз. Ну и ублюдок, забросивший своё детище на самом интересном месте!

А ведь когда-то Сюань был самым преданным фанатом.

Донатил, бросал платные подарки, строчил восторженные отзывы, расхваливал до небес — чего только не делал!

Относился к этому бумагомарателю как к родному сыну, лелеял его, а этот неблагодарный выродок взял и молча слился... Тварь пернатая! Скурвился!

Заголубел, сука! Курлык-курлык, блять!

Да если бы ты просто медленно писал, я бы не пришёл к тебе домой с тесаком. Ну, максимум прислал бы нож почтой, намекая, чтобы ты шевелил поршнями. Но бросить книгу на середине? Каким надо быть гондоном, чтобы так кинуть преданных читателей, которые тратили свои кровные? Таким авторам только яйца отрывать! Чистой воды садизм...

— Мой учитель — Вэйцы-цзюнь. Под его начало я и пойду, — внезапно отрезал юноша в карете.

Услышав собственное имя, Лян Сюань вскинул голову и уставился на лакированный борт экипажа взглядом, полным глухого раздражения.

— С вашим-то талантом, Маленький бессмертный господин, преклонить колени перед Вэйцы-цзюнем — плёвое дело! Думаю, вам даже просить не придётся. Стоит ему увидеть ваш чистейший духовный корень, как он сам за вами бегать начнёт, умоляя стать его учеником!

— Верно говоришь! Если этот Вэйцы-цзюнь упустит вас, он до конца дней локти кусать будет!

Лян Сюань прикусил губу.

«Ебать вы заливаете. Я сам себе сейчас поверю»

— И всё же... Вэйцы-цзюнь, конечно, фигура легендарная, гремит на всю Поднебесную, но если по совести — наставник из него паршивый.

Кто-то из всадников не согласился:

— Эй, полегче! С чего это вдруг паршивый?

— А помнишь, когда активировали великий карающий массив против демонов? Вэйцы-цзюнь даже бровью не повёл. Не вымолвил ни слова в защиту, не потребовал сурового наказания — вообще умыл руки и предоставил всё решать другим. Своего же ученика бросил на произвол судьбы. Разве так поступает хороший учитель?

— Ну... может, он просто щадил былые чувства? Понимал, что беде уже не помочь, и у него рука не поднялась казнить воспитанника.

— Да какое там "рука не поднялась"! Помяните моё слово, этот Вэйцы-цзюнь никогда не считал того демонического выродка своим учеником. Иначе не проявил бы такого ледяного безразличия.

В карете повисло долгое молчание. Сопровождающие уже решили, что Маленький бессмертный господин прислушался к их доводам и передумал, но тут изнутри донёлся упрямый, твёрдый голос:

— И всё равно я пойду только к нему.

Прошло около четверти часа. Вдруг один из всадников что-то заподозрил, обернулся и удивлённо спросил:

— Послушайте, а чего это он за нами увязался?

Остальные тоже обернулись. Позади, заложив руки за спину, не спеша вышагивал тот самый незнакомец в белом.

В том, что кто-то шёл в том же направлении, странного не было — дорога к Цинсяо-цзун была одна.

Смущало другое. Белый силуэт двигался лениво, прогулочным шагом, тогда как они ехали верхом с приличной скоростью. И всё же расстояние между ними стремительно сокращалось.

Незнакомец приближался так уверенно, словно решил примкнуть к их кавалькаде, и уже наступал коням на пятки.

Один из слуг повернул голову, собираясь спросить, чего попутчику надобно, но слова застряли у него в горле.

Казалось, из-под плотной вуали вэймяо на них устремлён тяжёлый, пронизывающий взгляд... крайне недружелюбный.

Пока они гадали, не пырнут ли их сейчас в спину, Лян Сюань резко обошёл карету и встал впереди. Облегчённый вздох застрял у всадников в груди: незнакомец намертво перекрыл им путь.

Горная тропа здесь сужалась, и парень, встав посреди дороги, превратился в непреодолимое препятствие, сопоставимое с обвалившейся скалой.

Пеший или всадник ещё могли бы протиснуться, но карете ход был закрыт.

Шэнь Гумин, будучи баловнем судьбы, не привык уступать. Его статус не позволял пасовать перед какими-то бродягами, да и карета вполне могла проехать ещё немного. Глупо спешиваться только потому, что на дороге кто-то встал.

Один из сопровождающих тут же прикрикнул на наглеца:

— Какого чёрта ты дорогу загородил? Знаешь вообще, чьему экипажу мешаешь?! Проваливай, пока цел!

— У меня дело, — отозвался Лян Сюань.

Голос незнакомца оказался неожиданно приятным, бархатистым. Слуга немного поостыл и уже спокойнее спросил:

— Какое ещё дело?

Вместо ответа он увидел, как парень медленно завёл руку за спину, а в следующее мгновение резко выхватил короткий нож. Вспышка белого шёлка — и незнакомец уже на козлах. Широкий рукав взметнулся, срывая плотную занавеску кареты.

Увидев округлившиеся от изумления глаза Маленького бессмертного господина, Лян Сюань тихонько, издевательски рассмеялся.

Юный Шэнь Гумин и впрямь был хорош собой: лицо прекрасное, как весенний цветок, кожа белая, словно безупречный нефрит, а во всём облике сквозила природная аристократичность.

Уж не знаю, что именно задело струны чёрного юмора в душе Вэйцы-цзюня, но его захлестнуло непреодолимое желание поглумиться. Лян Сюань угрожающе покрутил ножом перед самым носом испуганного мальчишки, издав зловещее хихиканье.

— Жрать охота, — лаконично пояснил он.

Шэнь Гумин потерял дар речи.

— Р-разбой! Защищайте Маленького бессмертного господина!

Наконец до слуг дошло, что происходит. С криками они выхватили мечи, и воздух прочертили свистящие дуги духовной энергии. Лян Сюань лишь коротко хмыкнул. Он взмахнул широким рукавом, и из шёлковых складок вылетели шесть золотистых перьев-лезвий. Раздался глухой стук: нападавшие кубарем покатались по земле, надрывно отхаркивая кровь.

Юноша потрясённо уставился на него. Теперь он смотрел с неподдельным ужасом на этого безумца, за секунду расправившегося со всей его охраной.

— Ты... ты убил их?!

— Полегче, парень, не надо на меня напраслину возводить. Никто их не убивал, — Лян Сюань скользнул по нему взглядом и весело фыркнул. — Знаю-знаю, ты у нас весь такой жалостливый и благородный, за челядь свою переживаешь. Не бойсь, поплюют кровушкой дня три, да и оклемаются.

—...

«Поплюют кровью три дня... Да они же коньки отбросят гораздо раньше!» — мысленно возмутился парень, но озвучить это не решился, мрачно уставившись на грабителя.

Лян Сюань перегородил собой выход из кареты. Кони до этого испуганно храпели и били копытами, но стоило ему ласково потрепать их по гривам, как животные мгновенно притихли.

Успокоив лошадей, он развернулся, пригнулся и заглянул внутрь экипажа. Заметив, что парень не сводит глаз с его клинка, Лян Сюань послушно спрятал оружие обратно в ножны.

— Ну что, малец, как звать-то тебя?

Мальчишка промолчал, продолжая буравить его взглядом, полным страха и предельной настороженности.

Лян Сюань расплылся в улыбке, которая, как ему казалось, выглядела дружелюбно, хотя на деле вышла довольно жуткой, и вкрадчиво прошептал:

— Можешь не отвечать, я и так знаю. Шэнь Гумин, верно?

Отец парня вознёсся, а самого его звали Маленьким бессмертным господином — разумеется, это имя было у всех на слуху.

Но мир велик: кто-то идёт по пути праведности, кто-то выбирает демоническую тропу, а иные практикуют запретные искусства и не прочь оборвать жизнь столь ценного наследника из зависти или страха.

Шэнь Гумин решил, что перед ним как раз такой убийца, подсланный, чтобы прикончить его на полпути к секте.

Юноша надеялся, что на территории Цинсяо-цзун никакая шваль не посмеет поднять на него руку, поэтому и не взял с собой сильную охрану. Кто же знал, что он так глупо попадётся на самом пороге?

Что ж, двум смертям не бывать, а одной не миновать.

Он смирился со своей участью.

Шэнь Гумин медленно закрыл глаза, приготовившись к неизбежному концу.

Однако удар так и не последовал. Вместо этого в мёртвой тишине салона раздалось утробное, раскатистое урчание.

Звук был такой...

Словно чей-то желудок выл от тоски по еде.

— Всё, больше не могу. Сдохну сейчас от голода, — простонал Лян Сюань.

Шэнь Гумин недоумённо приоткрыл один глаз.

—... Что?

— Сто лет маковой росинки во рту не было. Даром что бессмертный, а жрать-то всё равно хочется, сука, сил нет, — Лян Сюань снова вытащил короткий клинок, на сей раз с явным раздражением. — Деньги есть? Ладно, можешь не говорить, вижу, что при бабле. Живо гони монету, пока я тебя на ремни не пустил!

Шэнь Гумин, решив, что у него начались слуховые галлюцинации, ошарашенно выдавил:

— Нет у меня...

— Свисти больше!

Карета лоснилась от роскоши: окна занавешены шёлком, снаружи всё в золоте да драгоценных камнях — на лбу этого экипажа буквально горела надпись «Ограбь меня». Разумеется, деньги у этого мажора должны быть.

Лян Сюань решил взять дело в свои руки и принялся бесцеремонно переворачивать всё вверх дном. Он шмонал карету с таким рвением, что весь экипаж ходил ходуном. Добравшись до ног Шэнь Гумина, он толкнул парня в бок, велел подвинуться и не мешать процессу экспроприации.

Но внутри и развернуться-то было негде, куда там двигаться? Под конец Лян Сюань едва не разобрал карету по винтикам, но так и не обнаружил ни единой паршивой золотой крошки.

— Блядь! Ты уверен, что твой папаша вознёсся, а не сбежал от долгов? Почему он тебе ни хера

не оставил? — Лян Сюань в полном шоке уставился на него. — Ну всё, теперь я точно помру. Прямо здесь. Мои глаза никогда не закроются от такого позора.

Шэнь Гумин опешил.

«Какое ещё посмертие? Отец ведь вознёсся, а не в ад провалился, с чего бы ему подышать с открытыми глазами?!»

<http://bllate.org/book/18178/1746468>